

Бондарева В. В. «Русская идея» в болгарской общественно-политической жизни последней четверти XIX века (на примере взглядов и деятельности высших церковных иерархов) / В. В. Бондарева // Научный диалог. — 2018. — № 8. — С. 198—222. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-198-222.

Bondareva, V. V. (2018). “Russian Idea” in Bulgarian Social and Political Life of Last Quarter of 19th Century (by Example of Views and Activities of the Highest Church Hierarchs). *Nauchnyy dialog*, 8: 198-222. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-198-222. (In Russ.).

УДК 94(497.2)“1876/1899”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-198-222

«Русская идея» в болгарской общественно-политической жизни последней четверти XIX века (на примере взглядов и деятельности высших церковных иерархов)

© **Бондарева Виктория Викторовна (2018)**, orcid.org/0000-0002-7316-1484, SPIN-code 9877-9800, ResearcherID E-1305-2015, кандидат исторических наук; доцент кафедры маркетинга и бизнес-коммуникаций Института экономики, управления и бизнеса, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Россия), lotus_blanс@mail.ru.

Статья посвящена основным вопросам выражения «русской идеи» в общественно-политической жизни болгар в последней четверти XIX века. Актуальность исследования определяется повышенным интересом в наши дни к распространению российского влияния в современном мире и, в частности, в пределах Юго-Восточной Европы, которая в XX столетии являлась сферой влияния СССР. Автором анализируется историческая значимость, масштабность и содержание «русской идеи» в жизни болгарского общества и государства на примере взглядов и деятельности высших церковных иерархов (экзарха Иосифа I и митрополита Климента Тырновского). «Русская идея» рассматривается в работе не просто как структурный элемент определенной системы общественно-политических взглядов, но и как способ организации историко-политического пространства Болгарии, как особый принцип в стратегическом моделировании направленности ее исторического развития с определенным геополитическим ракурсом на основе славянства и православия. Сделан вывод о том, что «русская идея» в последней четверти XIX — начале XX веков являлась ключевым элементом общественно-политической жизни Болгарии, важнейшей исторической характеристикой ее социокультурного пространства и национального самосознания. Однако, несмотря на это, «русская идея» так и не смогла стать политическим выбором Болгарского государства, поскольку в начале

XX века в политическом пространстве Болгарии возобладал антируссизм, поддерживаемый узкой группой правящей элиты.

Ключевые слова: «русская идея»; славянство; православие; болгарское духовенство; османское господство; русско-турецкая война 1877—1878 гг.; болгарское общество и государство.

1. Введение

Развитие «русской идеи» в общественно-политической жизни Болгарии имеет долгий исторический путь. Важнейшим этапом в плане ее концептуальной разработки является не только эпоха Возрождения и Освобождения Болгарии, но и период, связанный с образованием болгарского государства в результате победоносной для России русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Ключевую роль в этот период в развитии «русской идеи» в Болгарии сыграло духовенство, в особенности — экзарх Иосиф I и митрополит Климент Тырновский.

Церковный историк В. М. Верюжский (1874—1955) считал тяготение к России историческим качеством болгарских народных масс, находящим конкретное выражение в деятельности духовных вождей, и, в частности, Софрония Врачанского, призывавшего болгар в годы русско-турецкой войны 1806—1812 годов оказывать радушие и доверие к освободителям, по воле Божьей посланным благочестивым императором Александром I Павловичем (полный текст воззвания архиерея Софрония приводится в работе известного болгарского литературоведа, экзархийского секретаря А. Теодорова-Балана (1859—1959) [Теодоров-Балан, 1906, с. 53—55], а в русском переводе — в докладе В. М. Верюжского [Верюжский, 1916, с. 1—40]). «...О, роде храбрый, болгары и верные христиане! Стойте, крепитесь и не бойтесь, любезно и усердно примите этих христиан, ваших братьев, которые идут по воле Божией избавить вас. Не бойтесь: воинство христолюбивое. Не бегайте от них и не перемещайтесь из городов и из домов ваших, но смотрите и потрудитесь, чтобы приготовить продовольствие: хлеб, ячмень, сено, — сколько можете, чтобы вам принять и угостить их по должности христианской. И не считайте их за чужих, но за единоверных братьев ваших.» [Теодоров-Балан, 1906, с. 53—55]. «Всякий христианин, как бы ни был он беден, пусть уделит от уст своих хлеба своего, и пусть угостит их», — взывал Софроний к болгарам [Там же]. Согласно В. М. Верюжскому, сущность традиционных народных настроений заключалась в глубокой приверженности к России, которую простой болгарский народ в условиях жестокого османского господства инскапательно называл «Дядо Иван» и видел в ней своего единственного спасителя и защитника. «Освободимся от турецкого ига, говорили простые болгары, но когда придет Дядо Иван» [Верюжский, 1916, с. 33].

Среди русских людей, в свою очередь, сила сочувственного отношения к поработанному и угнетаемому болгарам была настолько высока, что известный русский дипломат К. Н. Леонтьев (1831—1891) образно называл господствующее в эпоху Александра II общественное мнение в поддержку братьев-славян «болгаробесием» [Андронов, 2000, с. 49]. Русское общественное мнение в лице не только консерваторов, например, М. Н. Каткова или лидера славянофилов И. С. Аксакова, но и либерально настроенных деятелей симпатизировало и глубоко сочувственно относилось к болгарам. Болгар поддерживали и в правительственных кругах, например, государственный канцлер и министр иностранных дел А. М. Горчаков, обер-прокуроры Д. А. Толстой и К. П. Победоносцев, посол в Константинополе Н. П. Игнатъев и др.

2. Экзарх Иосиф I как выдающийся болгарский общественно-политический и церковный деятель-русофил

24 апреля 1877 года экзархом Болгарской православной церкви был избран ловчанский митрополит Иосиф (светское имя Лазарь Йовчев), родом из Калоферы, окончивший в 1870 году юридический факультет в Париже. Экзарха Иосифа I (1877—1915) не без оснований считают не только преемником, но и учеником первого болгарского экзарха Анфима I, «заметившего в лице Йовчева крупную силу» и возжелавшего навсегда приобрести ее для болгарской церкви [Верюжский, 1916, с. 20].

По свидетельству российских дипломатов, высокая крупная фигура экзарха Иосифа I с черной окладистой бородой и живыми глазами, быстро перебегающими с одного предмета на другой, производила впечатление большой энергии и ума [АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3245, л. 80]. Экзарх Иосиф I является одной из выдающихся личностей болгарской истории: руководителем церкви большой величины; одаренным общественным, политическим и государственным деятелем; национальным вождем болгар, живущих во Фракии и Македонии (Османская Турция) [Там же, ф. 146, оп. 495, д. 3829, л. 47]. В пользу последнего обстоятельства свидетельствует тот факт, что после Освобождения Болгарии и пересмотра Сан-Стефанского мира европейскими державами, обернувшегося для «Целокупной Болгарии» сокращением ее территории в 1878 году, экзарх Иосиф I остался в Константинополе [Игнатъев, 1971, с. 47]. Он всеми силами стремился поддерживать болгарскую паству в пределах турецких вилайетов, несмотря на то что болгарские общественно-политические деятели в своем большинстве считали, что местом пребывания экзарха должна стать София или Филиппополь.

Оценивая поступок экзарха Иосифа I, силу противостояния общественности, настаивавшей на его софийском местопребывании, необходимо учесть еще один факт. Экзарх Иосиф I, стремясь поддержать болгарскую паству в Турции и сохранить духовное единство болгарского народа, разъединенного Берлинским трактатом европейских держав в 1878 году, на самом деле подвергал большой опасности собственную жизнь. Заметим, что в день его избрания экзархом, 24 апреля 1877 года, началась война России с Турцией за Освобождение Болгарии. Иосиф I оказался в крайне затруднительном положении, поскольку Османская империя потребовала от него содействия развитию протестного движения против освободительной для болгар войны. Однако тогда он сумел найти в себе достаточно силы и дипломатично отклонил все требования правительства, подчеркнув свои исключительно религиозные функции, хотя в душе глубоко сочувствовал русским солдатам, был преисполнен чувством глубокой благодарности к этим северным орлам, гордо приземлившимся на Балканах, и употреблял все свои силы для того, чтобы обеспечить поддержку России. Подобная двойственность в поведении (с одной стороны, необходимость лояльного отношения к Турции, с другой стороны, глубокое сочувствие России) не только экзарха Иосифа I, но и всей Экзархии, проявившаяся еще в 1875—1876 годах, сохранялась в течение всей русско-турецкой войны. Так, например, Гервасий Левкийский и Климент Браницкий (впоследствии наместник экзарха Иосифа I в Софии), отслужив в своих епархиях молебны за здравие и благоденствие султана и его воинства, как и многие другие священники, тайно молились о русской победе. В ходе военных действий русские власти не раз прибегали к содействию местного духовного начальства. Генерал И. В. Гурко, например, просил архимандрита Стефана подыскать ему двух болгарских переводчиков. Архимандрит возглавлял акцию Тырновской организации по сбору материальной помощи военно-полевым лазаретам. В августе 1877 года он возглавил первое, организованное в Тырново, Благотворительное Содружество помощи пострадавшим в годы войны, раненым, сиротам. Содружество не раз обращалось к болгарскому народу с воззванием оказывать всестороннюю помощь освободительным русским войскам [Дойнов, 1985, с. 69—70]. При содействии русских властей подобные содружества создавались и в других городах. В мае 1878 года было учреждено «Софийское областное содружество помощи больным и раненым» во главе с митрополитом Мелетием [Маркова, 1989, с. 233].

Стремление всего болгарского православного народа и духовенства во главе с экзархом Иосифом I к православной России не являлось для османского правительства секретом, поэтому можно только представить, на-

сколько чрезвычайно сложным было положение болгар и болгарских священников в годы войны и послевоенное время в пределах тех территорий Великой Сан-Стефанской «Целокупной» Болгарии (Фракия и Македония), которые остались по решению Берлинского конгресса европейских держав в составе Османской империи.

3. «Русская идея» во взглядах и деятельности экзарха Иосифа I и митрополита Климента Тырновского

Находясь в Константинополе после Освобождения Болгарии, экзарх Иосиф I не оставлял без внимания церковные дела в Болгарском княжестве. По поручению экзарха Иосифа I митрополит Климент, официально избранный на Тырновскую митрополию в 1884 году, был назначен его делегатом в Софии и жил там до 1887 года [Верюжский, 1916, с. 26]. Климент Тырновский (1884—1901), в миру Васил Друмев, воспитанник Одесской духовной семинарии и Киевской духовной академии, по словам В. М. Верюжского, «человек весьма крупного ума, блестящих дарований и благороднейшего сердца, одинаково горячо любивший и свою родину — Болгарию и общеславянскую родину — Россию, <...> проявил себя преимущественно как поборник России за русскую идею и как мученик за нее во времена мрачного Стамболовского режима» [Верюжский, 1916, с. 24]. Как и экзарх Иосиф I, под влиянием экзарха Анфима I Климент в 1873 году принял монашество, самоотверженно встав на путь духовного служения, «отвечавшего его воспитанию и глубоко религиозному нравственному складу» [Там же, с. 25]. «Воплощение своего духовного идеала он видел в двух русских архипастырях, борцах за правду», сильнейших и знаковых личностях российской истории: Филиппе, митрополите Московском, и Гермогене, патриархе Московском и всея Руси [Там же].

После Освобождения Болгарии Климент принимал самое активное участие в создании нового государства. В 1879 году он был избран членом Учредительного собрания в Тырново и отправился в Россию в числе делегатов депутации во главе с блаженным Анфимом для поднесения благодарственного адреса Царю-Освободителю в Царском селе. В 1879 году в момент избрания первого болгарского князя на Учредительном собрании в Тырново Климент выражал искренне сожаление о невозможности возведения представителя России на болгарский престол: «Для нас самым лучшим князем был бы тот, который состоит членом великого русского народа, того народа, который доказал нам свою безграничную любовь, проливая кровь за нашу свободу. Такой князь сделал бы еще более неразрывными братские узы между нами и дорогим русским народом. Но существу-

ет воля высокая, воля священная, которая стоит выше наших чувств и желаний, пред которой мы должны с покорностью и благоговением преклонить головы. Эта воля — воля Нашего Великого Царя-Освободителя. Воля же Царя-Освободителя, чтобы не избирать в князя болгарского княжества подданного русского государства» [Там же, с. 25—26]. Продолжая свою речь, Климент подчеркивал важность одобрения кандидатуры будущего болгарского князя Россией, указывая на принца Александра Баттенберга, человека молодого (ему в ту пору было 22 года), красивого, высокого, сильного; родственника влиятельных европейских династий и племянника русской императрицы, отличившегося храбростью и доблестью во франко-прусской и русско-турецкой войнах [Уста-Генчов, 1927, с. 215—218]. В заключение своего выступления Климент призвал депутатов голосовать за Александра единогласно [ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 1934, л. 1]. После этого недвусмысленного призыва в зале раздались восторженные возгласы: «Да здравствует первый болгарский князь Александр Баттенберг! Да здравствует болгарский народ!» [Пешев, 1993, с. 159].

Однако, когда А. Баттенберг после Свищевского Великого Народного Собрания (1881) и политического переворота стал осуществлять пронемецкую политику, идущую в разрез с российскими интересами, Климент вступил с ним политическую борьбу и вернул все полученные от него ордена [Верюжский, 1916, с. 26].

Свою приверженность освободительнице болгарского народа православной России Климент сохранял на протяжении всей своей жизни, в том числе и в период тяжелых политических кризисов Болгарского княжества, угрожавших крахом государства, и в условиях господства антирусских настроений в высших правительственных кругах в эпоху пребывания у власти С. Стамболова. Исповедовавший откровенно и открыто убеждения о необходимости обеспечения нормальных отношений между Болгарией и Россией, митрополит Климент Тырновский стал выразителем оппозиционной правительству политической линии и был квалифицирован стамбовлистами как оппозиционер [Петков, 1994, с. 65].

В конце 1880-х годов он открыто выступил против новоизбранного болгарского князя католика Фердинанда Кобургского, не признанного Россией (вместо отрекшегося Александра I Баттенберга). Так, летом 1888 года, когда прибывший в Тырново Фердинанд I попытался приблизиться к Клименту, чтобы поцеловать крест в его руках, он отступил назад, сказав при этом, что «лишь приверженцам Царя и России этот святой крест приносит благодать и благословение» [Верюжский, 1916, с. 27]. Тогда Фердинанд I был вынужден отойти и скрыться в толпе.

Отсутствие доверия к князю-католику, не признанному православной Россией, было свойственно не только митрополиту Клименту. Несмотря на явные заискивания принца Кобургского перед экзархом, Иосиф I отклонял все предложения С. Стамболова об установлении формы возгласения на литургии имени князя [АВПРИ. ф. 137, оп. 47, д. 104, л. 234]. В большинстве случаев священнослужители предпочитали упоминать имя русского императора в богослужении в знак поддержания традиции, возникшей после Освобождения [Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 3271, л. 19]. Митрополит Климент, также упоминавший в богослужении имя русского царя как покровителя Болгарии, оценивал данное действо как «смиренное и благочестивое изъявление той глубокой признательности», которую болгары не могут не питать к России [Верюжский, 1916, с. 27]. «Болгарский народ, — утверждал Климент, — не может отказаться от своего прошлого, он не может забыть, у кого находил опору и ободрение в борьбе за свое историческое существование во время тяжелых веков рабства, не может забыть и тех великих жертв, которые великий русский народ принес для его умственного пробуждения и политического освобождения. Болгарский народ имеет достаточно благородства, чтобы быть признательным за сделанное ему добро, да и здравый смысл говорит, что для сохранения его существования и его настоящей свободы и независимости, для его светлого будущего, для укрепления державного престола и короны ему необходимо быть в добрых отношениях с теми, кто помог в его пробуждении и освобождении, а такие высоконравственные и исторические отношения, которые связывают два братские народа, не могут быть никогда уничтожены» [Там же].

В сентябре 1888 года по распоряжению премьер-министра С. Стамболова якобы по причине жалоб, поступающих со стороны болгарского народа на митрополита Климента, последнему было запрещено упоминать в богослужении имя российского государя, равно как и произносить проповеди [Там же]. Ответом митрополита на эти меры правительства стало отрицание возможности жалоб болгар, бесконечно благодарных России за Освобождение. Заметим, что еще почти за год до этих событий, в декабре 1887 года Климент был вынужден покинуть состав Святого Синода, равно как столицу Болгарского княжества. Избранный в июле 1887 года князь Фердинанд I считал, что удаление Климента из Софии есть начало усмирения духовенства в Болгарии. Он счел это большим успехом для себя, «после чего, уже не колеблясь, можно было проявить свой господарский, властелинский нрав и полностью обессилить своих соперников в лице духовенства» [Снегаров, 1993, с. 8].

В феврале 1893 года после очередной проповеди, произнесенной в защиту России и Православия, по подстрекательству стамболовского пре-

фекта митрополит подвергся в своем доме нападению пьяной толпы, был схвачен, отправлен в находящийся недалеко от Тырнова Петропавловский монастырь, где терпел всевозможные истязания, после чего был судим и приговорен к тюремному заключению по обвинению в нанесении оскорбления князю, распространении клеветы, подстрекательстве к противоправным действиям. Экзарх Иосиф I пытался изо всех сил облегчить участь Климента. Он послал в Ловчанскую митрополию 2 тыс. золотых левов, отдав распоряжение иеромонаху Партению отвезти их ссыльному владыке. Партению удалось посетить Климента и передать ему помощь экзарха [Игнаговский, 2000, с. 309]. Надо отметить, что длившееся 15 месяцев заточение сильно подорвало здоровье митрополита, и, вероятно, именно оно существенно сократило ему жизнь: всегда внешне здоровый и необыкновенно притягательный, он умер в 1901 году, в возрасте 60 лет.

Экзарх Иосиф I, как и митрополит Климент, являлся глубоко убежденным приверженцем православной России и был глубоко уверен в необходимости согласования всех политических шагов еще недостаточно опытного новорожденного болгарского государства с великой и сильной Россией, освободительницей болгар и созидательницей Великой Сан-Стефанской Болгарии [Български екзарх Йосиф I, 1992, с. 163—165]. Он искренне считал, что «спасение благочестивого болгарского народа в православии и славянстве», «на челе которого стоит великая Россия» [Верюжский, 1916, с. 23]. Российско-болгарскую духовную взаимосвязь, обусловленную церковью и православием, экзарх Иосиф I считал важнейшим непреходящим качеством объективного порядка и частью социокультурного кода болгар [Български екзарх Йосиф I, 1992, с. 164]. Стараясь предпринять все усилия по нормализации отношений с Россией, он неоднократно передавал свое глубочайшее почтение русскому царю и уверение в том, что весь народ болгарский ему предан и признателен и почитает его за своего отца. Только поддержка России, по мнению экзарха, была залогом успешного будущего болгарского государства, в том числе и в плане расширения границ его геополитического пространства [Там же, с. 170—171].

Свои переживания и недовольство по поводу направленности политического развития, радикализации правительственного курса, отнюдь не благоприятствовавшего ни благоустройству церкви Болгарии, ни развитию российско-болгарских отношений, экзарх Иосиф I часто выражал на страницах своего дневника. К концу своей жизни он оказался настолько исполненным тревог за будущее болгарского государства, что пришел к выводу о его возможном присоединении к России во имя спасения национального единства болгар. В 1913 году перед отъездом из Константино-

поля в Софию экзарх Иосиф I имел возможность поделиться своими взглядами с российским политическим деятелем П. Н. Милюковым, который впоследствии назвал их «своего рода политическим завещанием экзарха» [Верюжский, 1916, с. 23]. «У болгар собственно нет интеллигенции, — говорил экзарх, — нет ни настоящих учителей, ни опытных дипломатов, ни политических деятелей. Болгария — это простой народ, крестьяне. Может быть, они только лет через сто созреют для Конституции. Болгария нуждается в сильной власти. Новое поколение слишком распушено. Пусть Россия присоединит к себе Болгарию наподобие Финляндии, пусть она возьмет себе руководство внешней политикой и военным управлением Болгарии, но только пусть она спасет его племенное единство. Нужно спасти народ, спасти его этнографическое единство. Это главное, остальное все стоит на втором плане» [Там же]. Необходимо отметить, что положения этого разговора в канун Первой мировой войны, переданные П. Н. Милюковым, вполне согласовываются со взглядами экзарха Иосифа I, излагаемыми им на страницах его дневниковых записей на протяжении всей последней четверти XIX века. Экзарх Иосиф I не дожил до тех «“черных дней”, когда освобожденная Россией Болгария оказалась состоящей в войне со своей Освободительницей» [Там же]. Однако он видел пагубную направленность болгарской политики, осуществляемой «грандоманами», ошибочно возлагавшими надежды в воплощении болгарской национальной идеи на те силы, которые расчленили Великую Сан-Стефанскую Болгарию в 1878 году, рожденную ценой российской крови.

4. Заключение

Таким образом, можно заключить, что «русская идея» в последней четверти XIX — начале XX веков являлась ключевым элементом общественно-политической жизни Болгарии, важнейшей исторической характеристикой ее социокультурного пространства и национального самосознания. Как особое социокультурное качество, она характеризовала собой не только деятельность церковных иерархов, но и особый способ мировосприятия и мироустройства, подразумевавшего исключительно-важную роль (спасительную миссию) России по отношению ко всему многострадальному болгарскому народу, около пяти веков пребывавшему под жесточайшим гнетом османского господства. Следует отметить, что исторически эта роль-миссия в сознании болгар, тяготевших к России, характеризовалась не одномоментностью политического воздействия со стороны российского государства в критический для болгар период на их этнос, а, напротив, предусматривала длительные союзнические отношения между двумя братскими народами

ми на основе славянства и православия. Славянство и православие в свою очередь являли собой особый исторический фундамент, обеспечивавший национальное единство, политическую устойчивость и стабильность болгарского этноса и государства. Ярчайшими и убежденными носителями «русской идеи» являлись болгарские священнослужители (и в особенности церковные иерархи), последовательно организовывавшие в соответствии с ней не только всю свою деятельность, но и жизнь целого народа и государства. Поскольку болгарское духовенство являло собой значительную политическую силу как в эпоху пробуждения и национально-освободительного движения, так и после Освобождения Болгарии, светская элита, ориентированная в своих политических предпочтениях на Запад, стремилась ограничить его функциональные возможности в общественно-политической жизни болгарского государства, причем как на законодательном уровне, так и посредством репрессий. Последний способ представлялся наиболее быстрым и эффективным (ярчайшим примером может служить участь митрополита Климента). Важно заметить, что в рассматриваемый период «русская идея» в жизни болгарского общества и государства развивалась параллельно с антирусскими настроениями. По массовости распространения взглядов абсолютно доминировала именно «русская идея», однако узкая группа политической болгарской элиты не учитывала народных настроений болгарского народа и духовенства, а национальные ориентиры и интересы Болгарии понимала в корне иначе, чем болгарские церковные иерархи, в результате чего на макроуровне в качестве политического выбора Болгарии к началу XX века возобладал антирусизм.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 104; Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 3829. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3245, 3271.
2. *Български екзарх Йосиф I. Дневник.* — София : Свети Георги Победоносец, 1992. — 918 с.
3. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. 730. Игнатъев Н. П. Оп. 1. Д. 1934.
4. *Уста-Генчов Д.* Речь на Климент Браницки по избору на княз Александр I / Д. Уста-Генчов // Климент Търновски, Васил Друмев. Изследвания, спомени и документи. — София : Печатница Художникъ, 1927. — С 215—228.

Литература

1. *Андронов Ю. В.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX веков : К. Н. Леонтьев / Ю. В. Андронов, А. Г. Мячин, А. А. Ширинянц. — Москва : Университет, 2000. — 228 с.

2. *Верюжский В. М.* Историческая роль болгарского духовенства в народной и политической жизни Болгарии / В. М. Верюжский. — Петроград : Типография Меркушева, 1916. — 40 с.

3. *Дойнов Д.* Комитетите «Единство». Ролята и приносът им за Съединението (1885) / Д. Дойнов. — София : Наука и изкуство, 1985. — 372 с.

4. *Игнатовский Д.* Васил Друмев. Личность и деятельность русского воспитанника в период Возрождения и после Освобождения Болгарии : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 / Д. Игнатовский. — Шумен, 2000. — 397 с.

5. *Игнатъев А.* Знаменательное столетие в жизни Болгарской церкви. Болгарские церковно-народные соборы / А. Игнатъев // Журнал московской патриархии. — 1971. — № 5. — С. 46—49.

6. *Маркова З.* Българската Екзархия, 1870—1879 / З. Маркова. — София : БАН, 1989. — 398 с.

7. *Петков С. П.* Управлението на Стефан Стамболов и православната църква в княжество България (1887—1894) / С. П. Петков // Епохи. — Велико-Търново, 1994. — Г. 1. — Кн. 2. — С. 63—74.

8. *Пешев П.* Историческите събития и деятели от навечерието ни до днес / П. Пешев. — София : БАН, 1993. — 865 с.

9. *Снегаров И.* Цар Фердинанд (1887—1918) и българската църква / И. Снегаров // Панорама. — София, 1993. — Г. 14. — Кн. 3—4. — С. 4—22.

10. *Теодоров-Балан А.* Софрони Врачански. За стогодишницата на новата българска печатна книга (1806—1906) / А. Теодоров-Балан. — София : Държавна Печатница, 1906. — 137 с.

“Russian Idea” in Bulgarian Social and Political Life of Last Quarter of 19th Century (by Example of Views and Activities of the Highest Church Hierarchs)

© **Bondareva Viktoriya Viktorovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-7316-1484, SPIN-code 9877-9800, ResearcherID E-1305-2015, PhD in History; associate professor, Department of Marketing and Business Communications, Institute of Economics, Management and Business, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia), lotus_blanc@mail.ru.

The article is devoted to the main issues of expression of the “Russian idea” in the social and political life of Bulgarians in the last quarter of the 19th century. The relevance of the study is determined by the increased interest in the spread of Russian influence in the modern world and, in particular, within the South-Eastern Europe, which in the 20th century was the sphere of influence of the USSR. The author analyzes the historical significance, the scope and content of the “Russian idea” in the life of the Bulgarian society and state on the example of the attitudes and activities of the Supreme Church hierarchs (Exarch Joseph I and the Metropolitan Bishop Clement of Tarnovo). “Russian idea” is considered in the work not just as a structural element of a certain system of socio-political views, but also as a way of organizing the historical and political space of Bulgaria, as a special principle

in the strategic modeling of the direction of its historical development with a certain geopolitical perspective on the basis of Slavs and Orthodoxy. It is concluded that the “Russian idea” in the last quarter of the 19th — early 20th centuries was a key element of the socio-political life of Bulgaria, the most important historical characteristic of its socio-cultural space and national consciousness. However, despite this, the “Russian idea” could not become a political choice of the Bulgarian state, as in the early 20th century in the political space of Bulgaria prevailed anti-Russianism, supported by a narrow group of the ruling elite.

Key words: “Russian idea”; Slavs; Orthodox; Bulgarian clergy; Ottoman domination; Russian-Turkish war of 1877—1878; Bulgarian society and state.

Material resources

- AVPRI — *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii*. F. 137. Otchety MID. Op. 475. D. 104; F. 146. Slavyanskiy stol. Op. 495. D. 3829. F. 180. Posolstvo v Konstantinopole. Op. 517/2. D. 3245, 3271. (In Russ.).
- Blgarski ekzarkh Yosif I. Dnevnik*. (1992). Sofiya: Sveti Georgi Pobedonosets. (In Bulg.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. 730. Ignatyev N. P. Op. 1. D. 1934. (In Russ.).
- Usta-Genchov, D. (1927). Rech na Kliment Branitski po izbora na knyaz Aleksandr I. In: Kliment Trnovski, Vasil Drumev. *Izsledvaniya, spomeni i dokumenti*. Sofiya: Pechatnitsa Khudozhnik. 215—228. (In Bulg.).

References

- Andronov, Yu. V. Myachin, A. G., Shirinyants, A. A. (2000). *Russkaya sotsialno-politicheskaya mysl' XIX — nachala XX veka: K. N. Leontyev*. Moskva: Universitet. (In Russ.).
- Doynov, D. (1985). *Komitete «Edinstvo». Rolyata i prinost im za Syedinenieto (1885)*. Sofiya: Nauka i izkustvo. (In Bulg.).
- Ignat'ev, A. (1971). Znamenatelnoye stoletiyе v zhizni Bolgarskoy tserkvi. Bolgarskiye tserkovno-narodnyye sobory. *Zhurnal moskovskoy patriarkhii*, 5: 46—49. (In Russ.).
- Ignatovskiy, D. (2000). *Vasil Drumev. Lichnost' i deyatelnost' russkogo vospitannika v period Vozrozhdeniya i posle Osvobozhdeniya Bolgarii*: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk. Shumen. (In Russ.).
- Markova, Z. (1989). *Blgarskata Ekzarkhiya, 1870—1879*. Sofiya: BAN. (In Bulg.).
- Peshev, P. (1993). *Istoricheskite sobitiya i deyateli ot navecherieto ni do dnes*. Sofiya: BAN. (In Bulg.).
- Petkov, S. P. (1994). Upravleniyeto na Stefan Stambolov i pravoslavната tsrkva v knyazhestvo Blgariya (1887—1894). In: *Epokhi. 2/1*. Veliko-Tyrnovo. 63—74. (In Bulg.).
- Snegarov, I. (1993). Tsar Ferdinand (1887—1918) i blgarskata tsrkva. In: *Panorama. 14/3*. Sofiya. 4—22. (In Bulg.).
- Teodorov-Balan, A. (1906). *Sofroni Vrachanski. Za stogodishnitsata na novata blgarska pechatna kniga (1806—1906)*. Sofiya: Drzharvna Pechatnitsa. (In Bulg.).
- Veryuzhskiy, V. M. (1916). *Istoricheskaya rol' bolgarskogo dukhovenstva v narodnoy i politicheskoy zhizni Bolgarii*. Petrograd: Tipografiya Merkusheva. (In Russ.).